

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Я родился в 1872 году, другими словами, в десятке лет и от освобождения крестьян, к которым принадлежал

по рождению, и от народовольческого акта 1 марта 1881 года.

Позднейшая реакция, охватившая Россию в годы безвременья Александра III, уже не могла повлиять решающе на мою душу. Все мои симпатии были за народовольцами, о чем я, конечно, по-детски острожно таил в своей душе, выражая свой интерес только по чтению газетных отчетов того времени. Имена Желябова, Перовской, Кибальчича были для меня именами героев, симпатии к которым нужно было скрывать от всех.

Уже много, много лет позднее, когда я начинал певческую карьеру, я по указанию и совету покойного знаменитого артиста Н. Н. Фигнера, брата ныне живущей Веры Николаевны Фигнер, в Viareggio в Италии познакомился с их матерью Екатериной Христофоровной, которая, гуляя со мной по рощице, говорила мне не раз: «Быть может, вы когда-нибудь мою дочь и увидите. Передайте ей, что я любила ее и думала о ней до последнего дня моей жизни».

Я счастлив, что мне удалось это передать.

Мне в учебные годы моей жизни постоянно задавали вопрос, где ударение в моей фамилии — на «о» или на «и» и откуда происходит сама фамилия.

Я тогда еще не был знаком со словарем Даля и поэтому не претендовал, что фамилия Собинов происходит от «собины», то есть от самого дорогого, любимого для человека, но по какому-то чутью настаивал, что ударение в фамилии должно быть на «о».

И вот, когда мне было лет шестнадцать, в родном селе моего отца умер его брат Александр Васильевич. Отец поехал на похороны и взял с собой меня.

Село Торговцево, где родился отец, было расположено на низком, пологом берегу маленькой речки, спускавшемся к необъятной равнине, видимой верст на двадцать и шедшей перпендикулярно к Волге.

Другой берег речки, очень высокий и очень круто спускавшийся к равнине, не был заселен, но там, на самом юру, была изба и в ней жил мой дед. Отец тут же показал мне завалинку, оставшуюся от избы, и тогда я понял, почему мой дед получил фамилию Собинов, с ударением на «о». Он жил «собинно», то есть особенно от других односельчан.

6 февраля 1929 года.

ПРО СЕБЯ,
ПРО ДРУГИХ

Л. В. СОБИНОВ

ЛЕОНИД Витальевич Собинов — национальная гордость России. В течение тридцати пяти лет его голос радовал, звал к жизни, свету, красоте и добру миллионы людей, слушавших его в России и странах Европы.

Имя певца живет в памяти народа, в истории музыкального театра, в записях на пластинках. Постоянно пополняется собиновский фонд в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР. Этим архивом подготовлены к печати до сих пор неизвестные письма, воспоминания и снимки артиста, которые выпустит в свет издательство «Искусство».

Ниже публикуются некоторые материалы из документального наследия Л. В. Собинова. Публикацию подготовила К. Кириленко.

МОИ ВСТРЕЧИ С А. В. ЛУНАЧАРСКИМ

С покойным А. В. Луначарским и по службе, и в дружеской беседе я встречался далеко не так часто, как

это можно было бы предположить. Тем ярче и живее эти встречи в моей памяти, тем более что они всегда были оживлены дружеской ласковостью со стороны Анатолия Васильевича и каким-то его особым ко мне вниманием. Некоторые из них я хочу рассказать в этих строках, но прежде всего я с глубокой благодарностью вспоминаю о том, какую большую роль сыграл в моей жизни Анатолий Васильевич в 1921 году.

Когда Крым был взят победоносными красными войсками, я, как и многие другие, не эвакуировавшиеся вместе с Врангелем, получил от ревкома служ-

бу. Я был назначен заведующим подотделом искусств при Севастопольском наробразе.

Когда я наконец списался с Москвой, мои товарищи по Большому театру решили во что бы то ни стало вывезти меня из Севастополя в Москву и обратиться за этим к Анатолию Васильевичу. Полетели телеграммы Севастопольскому ревкому, но последний ни за что не хотел меня отпускать, и о получении телеграмм я узнавал стороной.

Но вот однажды Анатолию Васильевичу удалось переслать с оказией мне прямо в руки свое приказание явиться в Москву. Я официально представил эту бумагу ревкому, и ревком уступил. Таким образом, только благодаря энергии и настойчивости Анатолия Васильевича я очутился вновь в Москве.

Прием со стороны Анатолия Васильевича, когда и состоялось наше первое знакомство, был самый дружеский.

Тогда же зашла речь о моем назначении директором Большого театра, что через несколько дней и состоялось.

Припоминаю две встречи с Анатолием Васильевичем, когда шутка сама просилась с уст.

В 1925 году в торжественный день празднования столетия Большого театра мы, артисты, во главе с Анатолием Васильевичем собрались перед фасадом театра, чтобы принять парад. Вдруг Анатолий Васильевич начал выдвигать меня в первую линию и заявил, что он не хочет «быть тучей». «Почему тучей?» — спросил я. «А потому, что я не хочу затмевать звезд», — ответил Анатолий Васильевич и настоял на том, чтобы я стоял впереди.

Другой случай был в Кремле, когда мы, директора академических театров, собрались в приемной перед кабинетом Анатолия Васильевича. Мы были в таком составе: А. И. Южин, К. С. Станиславский, В. И. Немирович-Данченко и я — и пришли выяснить очень большой вопрос о длительной задержке выдачи жалованья.

Почти перед самым приемом я предложил товарищам маленькую mise en scene: войти в кабинет Анатолия Васильевича с вывороченными карманами. Всем мысль понравилась, и мы так и сделали.

Анатолий Васильевич при виде нас расхохотался, спросил, кому принадлежит идея, и обещал, что он запишет сцену в своем дневнике. Так просто и весело Анатолий Васильевич подхватил актерскую шутку. Очаровательный и остроумнейший собеседник, проникнутый тончайшим юмором и острой наблюдательностью, он вообще был любимейшим гостем в актерской семье.

31 декабря 1933 года.

8 НОЯ 1969

Видеозапись, Александр Иванов, Егор Егорович

НА СНИМКЕ: А. Ивакинский, Л. Собинов, Е. Юргенсон, 1887 год.

ВОТ ЧТО вспоминал Л. В. Собинов по поводу этой фотографии: Это была наша обычная компания, которая как будто специально собралась для пения. Она началась с невольного (стихийного) дебюта в нижнем этаже нашего дома, за год перед тем, в нашей маленькой квартире около стеной лампы, когда мы спели трио: «Уж я полем шла». Я был дискантом, а Саша и Егорка «переходными» баритоном и басом. Затем мы уже с успехом, для собственной улады, распевали весь тогдашний студенческий (ярославский) репертуар. Но больше всего имело успех «Уж я золото хорюю». Пел я, а Саша аккомпанировал на гармонии. Я тогда пел еще дискантом, а тенором задел только в 1889 году.

Это было в 1887 году, ровно тридцать лет тому назад. Были: Александр Петрович (Саша) Ивакинский, Егор Егорович (Жорж) Юргенсон и я (Ленька). Сейчас мы все трое живы. Ивакинский тянет ляжку в Петроградском контроле, Юргенсон в Ярославском акцизе, и мы не выдаем-ся давным-давно. С Ивакинским лет пятнадцать, а с Юргенсоном двадцать пять. Я даже не представляю себе, какой такой сейчас Егорка Юргенсон. С Сашей Ивакинским я расстался позднее по его вине, но с его братом Витюшкой (кажется, чиновник в Царицыне) видался дружески позднее. А вот родителей Петра Владимировича и Екатерину Андреевну до сих пор знаю, хотя им мафусаиловы года. И старый, милый домик в соседней улице, где я впервые выступил актером в том 1887 году, не забуду никогда. И пока живы старики, там, вероятно, нередко вспоминали о Леньке, который записал это в 1917 году 4 декабря, после спектакля «Травиата».